

С.С. Крюкова

Крестьянский «кодекс» мужской чести в русской пореформенной деревне

22 августа 1902 г. следователю Орловского окружного суда поступил иск от крестьянина Андриана Иванова Горбачева из с. Крыжены Брянского у. Орловской губ. В нем говорилось: «В 96-м номере «Орловский Вестник» от 10 апреля 1902 г. напечатано письмо в редакцию из Брянского у. за подписями сельского старосты... и уполномоченного..., в котором возводится ложно *обвинение меня в деянии, противном правилам чести*, чем печатью я оскорблен клеветою ... Считая себя оскорбленным, прошу привлечь к уголовной ответственности за клевету редактора «Орловского Вестника» дворянина Аракчеева и подвергнуть его ответственности¹. О каких же действиях, «*противных правилам чести*», шла здесь речь?

Из «письма старосты и уполномоченного» в «Орловский Вестник» следовало, что крестьянин Горбачев приобрел у наследников местного помещика небольшой участок земли и с тех пор «благодаря особому умению обделять “делишки”» наживался на крестьянах-односельчанах «в небывалых размерах»². Сославшись на план генерального межевания, Андриан Горбачев заявил, что общий выгон в 12 десятин, а также прогон для скота, прилегающий к этому выгону, принадлежат лично ему. Меж тем, по уставной грамоте водопои и прогон для скота находились в совместном пользовании как помещиков, так и крестьянских обществ. «Присвоив себе незаконным образом еще в бытность свою волостным старшиной, Горбачев выгон обратил в удобный сенокосный луг, а прогон для скота хотя и уступил крестьянам, но за пользование выгоном выговорил с них своего рода

“барщину”, которая обществом отбывается натурой и заключается в обработке ему присвоенного луга по уборке конопли, сена и пр. Кроме того, он обязывает возводить на его полях ровные огороды (вероятно, для предотвращения полей от потрав) и что еще курьезнее, так это то, что материал для этих изгородей крестьяне приобретают на собственные средства. В результате получилось то, что *мироед* получает более чем 20-летнюю аренду в форме личного труда только за то, что крестьяне пользуются своим прогоном, предоставленным в их владение уставной грамотой... пользуясь критическим положением многих крестьян, под видом ссуды он раздает им хлеб и деньги за неслыханные проценты».

Это обвинение «*в деянии, противном правилам чести*», отсылает нас к некой совокупности норм, своего рода «кодексу» крестьянской чести. Из письма старосты ясно, что честный крестьянин не станет осуществлять противозаконные сделки; эксплуатировать крестьян-односельчан и обращать их труд в свою пользу; наживать состояние ростовщиком, тем более в условиях острой нужды других крестьян. А намек на особый талант фигуранта письма «обделять “делишки”» уличал того в нравственной нечистоплотности. В данном контексте ругательное «*мироед*» подчеркивало столь негативно воспринимавшееся крестьянами стремление жить за чужой счет³. Честь истца в данном случае задевала обвинение в незаконном присвоении земли, стремлении зарабатывать чужим трудом и нечестности / мошенничестве. Кроме того, ссылка на использование тем

¹ Государственный архив Орловской обл. (далее — ГАОО). Ф. 714. Оп. 1. Д. 909. Л. 7–7 об.

² Там же. Л. 10.

³ О разных значениях слова см.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX веке. М., 1986. С. 95.

«критического положения многих крестьян» и «неслыханные проценты» усиливает эти обвинения в корысти. Корысть, алчность, ростовщичество, звучащие в письме громким упреком, дают нам основание поставить вопрос о взаимосвязи христианской этики и крестьянского «кодекса» мужской чести.

Вышеприведенный прецедент *от противного* демонстрирует лишь некоторые составные этого «кодекса», пронизанного дилеммой «честь – бесчестие». Поиск и выявление их в документальных свидетельствах эпохи позволяют рассмотреть разветвленную, многоуровневую систему крестьянских представлений о миропорядке. В них переплетаются коллективные, гендерные и персонифицированные ценности (честь девичья, женская, мужская, семейная, родовая, мирская / общественная и др.), обладавшие собственной спецификой. Стратификация представлений крестьян о чести отражала социальную структуру крестьянского общества: по половому признаку, возрастному, социальному и др. Соответственно различались корреляты и критерии чести-бесчестия.

Приверженность честным поступкам требовала от крестьянина соблюдения определенных стандартов поведения и проявления качеств, соответствующих общепринятым, «легализованным» крестьянским миром и освященным православной традицией канонам. Эти требования варьировали в том числе в зависимости от статуса крестьянина в общине. Утрата чести имела для крестьянина тяжелые последствия, что нашло свое отражение в известной назидательной народной поговорке «Береги платье снову, а честь смолоду»⁴. В основе крестьянского «кодекса» чести лежало регламентирующее общинное начало, сближавшее его своей принудительной (дерогативной) силой с правовыми нормами. В защите чести крестьяне прибегали к различным правовым инструментам и институтам: как обычно-правовым, выработанным общей или локальной устной традицией в рамках конкретной общины, так и институциональным законодательным – от местного, деревенского (волостного) до городского (окружного) судов с разными уровнями компетенции.

Контуры заявленной исследовательской проблемы применительно к заданному периоду были

намечены в работах М.М. Громыко, хотя тема эта в отношении более раннего времени и иных словесных уже неоднократно звучала в историографии⁵. Основное внимание М.М. Громыко было сконцентрировано именно на роли крестьянской общины в регулировании внутридеревенских этических норм⁶. В своих наблюдениях и выводах она опиралась главным образом на архивный фонд Этнографического бюро В.Н. Тенишева и акцентировала неразрывную связь крестьянской этики и православия.

В настоящей работе будут затронуты уже знакомые по историографии аспекты, связанные с многозначностью семантики понятия «крестьянской чести», его обусловленности христианской моралью, а также с его специфическими проявлениями в мужской среде в социокультурном контексте постформенной деревни. Привлечение судебных документов дало нам возможность расширить круг вопросов поставленной темы. В частности, выйти за рамки крестьянской общины с ее обычно-правовыми инструментами урегулирования конфликтов (общественное мнение, сельский сход) и остановиться на роли постформенного суда (волостного и окружного) в защите крестьянской чести. С отменой крепостного права и последующими реформами крестьянин осознает свою честь все более как личную, индивидуальную. Число исков о ее защите в этот период растет. В этом контексте важно проследить вектор развития крестьянских представлений о мужской чести в условиях становления новой судебной системы.

Описания судебных разбирательств помогают понять суть крестьянских представлений о мужской чести, в том числе через призму их жалоб на бесчестие. Перечисляемые в конкретных делах обиды обнаруживают специфические черты восприятия крестьянами собственного и чужого достоинства. Какие же добродетели позволяли крестьянину осознавать себя человеком чести? Какие императивы предъявляло деревенское общество к тем, кто претендовал на это? Каково место чести в повседневной жизни крестьянина? Эти вопросы волновали и современников Великих реформ.

Благодаря тогдашним разносторонним обследованиям русской деревни по специальным программам сохранились источники, проливающие

⁴ Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М., 1993. Т. 1. С. 600.

⁵ Стефанович П.С. Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь. 2001. № 2(16). С. 63–86; Коллманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001; Борисов С. Честь как феномен российского политического сознания. Шадринск, 2001; Кошелева О. «Честь» и «порука» – гаранты доверия в России Средневековья и эпохи Просвещения // Германский исторический институт в Москве: Доклады по истории 18 и 19 вв. – DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 17 (2013) и др.

⁶ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения...; Она же. Мир русской деревни. М., 1991.

свет на многие стороны жизни крестьян, в том числе на вопросы чести. Эти данные (опубликованные и рукописные материалы Этнографического бюро В.Н. Тенишева и архив, собранный в 1880-е годы этнографом-исследователем С.М. Пономаревым и хранящийся в Научном архиве Русского географического общества (НА РГО), вкупе с судебными и законодательными актами легли в основу данной статьи.

Законодательство Российской империи второй половины XIX в. включало формулировки: нанесение обиды действием, на словах или на письме; преступления против жизни, здравия, свободы и чести частных лиц; бесчестье; непосредственные личные оскорблении; преступления против чести и целомудрия женщин и др. Все эти посягательства на личность преследовались как гражданским, так и уголовным правом, хотя законы и не давали точных и развернутых определений чести и бесчестья и не прописывали четких критериев оскорблений или обиды словом и действием⁷. Согласно ст. 667 Свода законов гражданских, распространенных в пореформенный период, в том числе на все крестьянское сословие, виновный в нанесении кому-либо личной обиды или оскорблении мог быть приговорен к выплате в пользу его «бесчестия», смотря по состоянию или званию обиженного и по особым отношениям обидчика к обиженному, от 1 до 50 рублей. Ст. 668–669 устанавливали порядок рассмотрения судебных дел о нанесении «личной обиды или оскорблении»: иск о взыскании «бесчестия» не должен был быть соединен с требованием о наказании виновного в нанесении личной обиды или оскорблении, тем самым гражданский иск исключал уголовный по тому же делу и наоборот. Уголовным правом виновного наказывали помимо денежного взыскания от 50 до 100 руб. арестом от 15 дней и выше⁸.

Законодательная терминология постепенно закреплялась в текущей судебной документа-

ции. Ее усваивали как правовые инстанции, так и фигуранты судебных дел. В этой связи приведенный нами в начале статьи текст прошения крестьянина чрезвычайно любопытен при сравнении его с законодательными источниками. Обратимся к ст. 1535, регулировавшей отношения в связи с клеветой и распространением оскорбительных для чести сочинений, изображений или слухов: «Кто дозволит себе, в предоставленной присутственному месту или чиновнику бумаге, оклеветать кого либо несправедливо, обвиняя его или жену его, или членов семейства *в деянии, противном правилам чести*, тот подвергается заключению в тюрьму... Тому же наказанию... подвергаются и те, которые дозволят себе клевету в печатном..., распространенном и получившем гласность сочинений или письме⁹. Выражение «*деяние, противное правилам чести*», использованное Андрианом Горбачевым, было явно заимствовано из законодательной статьи, что свидетельствует о его, но скорее писаря-составителя иска, хорошем знании законов.

В отличие от законодательных и судебных документов в этнографических бытописаниях русской деревни нет примеров прямого употребления слова «честь» в повседневной жизни крестьян. Они сводятся к двум его основным значениям: 1) честь-почет/уважение/репутация человека, т.е. оценка морально-нравственных качеств со стороны окружающих; 2) честь-гордость/внутренняя самоидентификация крестьянина, его личное чувство достоинства и самоуважения.

Сообщения местных корреспондентов Этнографического бюро В.Н. Тенишева из разных губерний России при всей мозаичности информации свидетельствуют о том, что в общественной иерархии ценностей и приоритетов деревни, в «кодексе» чести крестьянина, очень важное значение имела состоятельность крестьянского двора («уважение приобретается смириением и добротой, а самое

⁷ Наиболее раннее употребление слова «бесчестье» встречается в списке церковного устава середины XIV в. – «Законе судном людем», где «бесчестием» названа ссора. В переработках Русской правды XV в. бесчестье связывалось с физическим насилием, в церковном уставе того же века – «Православии митрополичьем» – также с репутацией (компенсация за «бесчестье» выплачивается владельцу кабака, в котором произошло убийство). В петровскую эпоху «обида», «оскорблениe» и «бесчестье» обозначали оскорблениe, нападение и урон. Определение оскорблениe впервые в русском законодательстве дано при Екатерине II в «Манифесте о дуэлях» от 1787 г. (ст. 8): «Оскорблениe или обида есть: буде кто кого вредит в праве или по совести, как то порочит, поклеpлит, пренебрежет, унижит или задерет». Оскорблениe могло быть трех видов: словом, письмом или действием // Коллманн Н.Ш. Указ. соч. С. 69, 369, 374, 379.

⁸ Свод законов Российской империи. Т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. Раздел 10. О преступлениях против жизни, здравия, свободы и чести частных лиц. Гл. 6. О преступлениях против чести и целомудрия женщин. Ст. 1523–1532. О непосредственных личных оскорблениях. Ст. 1533–1534. Нанесение личной, каким-либо оскорбительным действием обиды; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Гл. 11 Об оскорблениях чести, угрозах и насилии. Ст. 130–138 – за нанесение обиды – арест не свыше 15 дней или денежное взыскание не свыше 50–100 руб. (нанесение обиды действием, на словах или на письме).

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. Т. 15. Ст. 1535.

главное богатством»)¹⁰. Судебные материалы дают нам дополнительную информацию, позволяющую судить о самоидентификации крестьян именно в этом ключе. Так, при взыскании Винниковским волостным старшиной (1872 г., Курская губ.) растраты с крестьянина — сборщика общественных податей последний в запальчивости высказал решающий аргумент в свою защиту: «что ты за старшина, я богаче тебя»¹¹. Хозяйственное благополучие крестьянского двора было достойно как уважения в глазах общественности, так и самоуважения. И, напротив, разорение влекло за собой утрату чести. В подкрепление этого тезиса один из крестьян Тверской губ. приводил пример из своей жизни: «Какое влияние оказывает на отношение имущество, сообщу из своей жизни. Отец мой, имея 600 руб., задумал поселиться на починке на свой крестьянский надел. Выстроил дом и стал проживать. На сенокос и жниву нанимал, и вот, звали отца не иначе как Осип Никифорович... Попросили кого сметать стог или починить борону, — сейчас помогут. Уважение оказывали сильное. Но сгорел наш дом с имуществом, мы стали нищие, и отношения как-то сразу изменились. Отца горе пришибло, из смелого и веселого он сделался робким, трусливым, на сходках голосу не подавал, и престиг его погиб безвозвратно»¹².

Что значило быть богатым в русской деревне второй половины XIX в.? Об этом можно судить по комментариям современников. Из них явствует, что крестьянин гордился «главным образом своим богатством: домом, хлебом, одеждой»¹³. По словам других, «более всего богатство предпочитается в деньгах и земле, менее — в постройках, скотине; мало ценится богатство, состоящее из утвари, одежды и т.п.»; «богатым считается тот, у кого стройка хороша, много хлеба, скота, одежды; подати платятся вовремя и водятся денежки»; «как всюду, чем богаче крестьянин, тем больше в селе его уважают. Больше всего крестьянин гордится: хорошей избой, одеждой, так и на жене и детях (конечно, только в праздники), хорошим самоваром, который стараются во время чаепития поставить так, чтобы он был виден из окошка»¹⁴.

Размеры крестьянских хозяйств и их бюджетов

на обширных пространствах России различались в зависимости от состава населения (внутрисословной принадлежности крестьян), локализации села или деревни, их экономической специализации, источников формирования доходов и пр. В частности, в Костромской губ. богатым человеком в волости (Чудцовская вол. Солигаличского у. — С.К.) считался крестьянин Х.А., имевший около 300 десятин земли, два дома в деревне, мелочную лавочку, кабак и 5-7 тысяч денег; около 20 коров и 10 лошадей. Но по сообщению местного корреспондента, «если у крестьянина есть несколько сотен рублей, 3-4 лошади, то он уже считается человеком богатым. Но таких богачей в нашей волости не много, больше 2-3 десятков не будет. Главным же образом преобладают крестьяне со средним достатком, то есть такие, которые имеют лошадь, корову, несколько овец, пользующиеся своими хлебами большую часть года, подати выплачивают исправно, имеют по две перемены одежды — праздничную и будничную — и нет долгов. Нужно также иметь для этого порядочную, т.е. не очень старую стройку: дом, овин, амбар или клеть. У многих крестьян из этой категории имеется по 2 лошади, по 3-4 коровы, но это находится в зависимости от численности семейства. По большей части крестьяне этой категории или люди малосемейные (4-5 человек), или все члены уже в состоянии прокармливать себя, т.е. не моложе 11-12 лет.

Выражение материального положения крестьянина среднего достатка, т.е. крестьянина состоятельный в деньгах следующее:

Дом со двором, клеть и гумно — 200–220 руб.
Лошадь — 50 руб.
Корова — 25 руб.
4 овцы по 3 рубля — 12 рублей
разные земледельческие орудия и экипажи... — 40 руб.

рухлядь: кадки, ведро... — 10 руб.
одежда и белье — 100 руб.
437–457 руб.»¹⁵

Таким образом, размер богатства, обеспечивавшего его обладателю право на честь/почет со стороны односельчан, был условным. Основным его признаком было благополучие домохозяйства/семьи («Главная гордость крестьянина — достаток»¹⁶),

¹⁰ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы / Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 475.

¹¹ Государственный архив Курской обл. (далее — ГАКО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 771. Л. 11.

¹² Русские крестьяне... СПб., 2004. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. С. 131.

¹³ Там же. С. 427.

¹⁴ Русские крестьяне... СПб., 2005. Т. 3: Калужская губерния. С. 231; Русские крестьяне... Т. 1. С. 460; Русские крестьяне... СПб., 2006. Т. 4: Нижегородская губерния. С. 340.

¹⁵ Русские крестьяне... Т. 1. С. 343.

¹⁶ Русские крестьяне... Т. 3. С. 382.

т.е. способность выплатить все налоги и поддержать хозяйство до следующего урожая. Пытаясь определить разницу между богатым и бедным крестьянином, один из наблюдателей экономического быта пореформенной деревни писал: «У «справных» крестьян хлеба хватает до Пасхи, а то и до нового урожая, у бедных же – только до Рождества или до масленицы»¹⁷.

Подчинен фактору материального преуспевания в рамках экономики выживания и крестьянский ум: «пользуется в народе уважением и ум, который должен выражаться главным образом в умении наживать деньги, в умении приобретать». Знания и грамотность пользуются в народе точно так же большим уважением»¹⁸. Вероятно, взаимосвязь между «умением» добыть средства к существованию и честью нашла отражение и в пословице «Дураку – мука, умному – честь»¹⁹. Способность сохранять, поддерживать и приумножать имущество двора заложена в фундамент «кодекса» крестьянской чести. Мнением зажиточных крестьян дорожили и на сельских сходах: «каждый член схода спешит согласиться»²⁰.

Вместе с тем отношение к богатым / зажиточным крестьянам разнилось в зависимости от ряда обстоятельств, а также их личных качеств. В первую очередь от того, как они добились материального благополучия и как вели себя в обществе. Так, в Костромской губ. «зажиточные крестьяне не все пользуются уважением, хотя все с виду относятся к ним с почтением, однако дома или при расспросах о богачах таинственно рассказывают разные неблаговидные истории и причины, по которым получилось богатство. «Ты не сказывай, а ведь он мужика убил, деньги-то вынул, да покойника-то головой в реку и отпустил... с тех пор и пошел, и пошел богатеть!»; «уважением и почетом пользуется один только зажиточный крестьянин. Мужик зажиточный – значит, он дароватый и дельный. Тако-

Смерть св. Феодоры и видение мытарств души.
Вторая половина XIX в. Неизвестный художник //
Русский рисованный лубок. М., 1992.

му мужику каждый оказывает уважение. Другое дело – крестьянин богат благодаря отцовскому имуществу и глуповат. Такого все как-то сторонятся и по заглазам смеются»; «если это богатство приобретено им самим, честным трудом, на глазах у всех, если этот богач не сторонится людей, то его уважают, приводят в пример, ему подражают. Если же кто разбогател каким-либо нечестным образом, если к тому же он человек необщительный, то его не уважают, относятся к нему с насмешкой и иронией, а кто посмелее, тот и прямо в глаза его попрекает»²¹. Крестьяне осуждали

¹⁷ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 231.

¹⁸ Русские крестьяне... СПб., 2006. Т. 2, ч. 1: Ярославская губерния, Пощонский уезд. С. 154.

¹⁹ Пословицы русского народа... Т. 1. С. 156.

²⁰ Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 45.

²¹ Русские крестьяне... Т. 1. С. 33, 129, 427.

болтливость, двуличность, обман. Один из корреспондентов сообщал: «есть один крестьянин, человек старый, богатый, умный, степенный. Тем не менее уважением он от своих соседей не пользуется и исключительно за свой язык, за любовь к пересудам и сплетням, к наушничеству. «Хуже всякой бабы! Двоязычник, сума переметная!» Скаредность, скопость всегда навлекает от соседей презрение. Роняет человека в общественном мнении и излишняя мелочность в денежных расчетах. Про такого говорят “каплюжник”»²².

Постоянно промышлявшие «барышничеством», т.е. покупкой и перепродажей сельскохозяйственной продукции ради прибыли (барыша), вообще не пользовались авторитетом: «Это объясняется тем, что они почти всегда при совершении сделок не стесняются прибегать к всевозможного рода обманам, обвесам и т.п. Особенным неуважением народа пользуются лица, занимающиеся торговлей лошадьми и более других прославившиеся на поприще всевозможного рода обманов... крестьяне относятся к ним с недоверием и презрением, и барышничество лошадьми, на взгляд крестьян, всегда представляется занятием предосудительным. Крестьян, занимающихся посредничеством в торговле зерном, называют “прахом”, они за известное вознаграждение с продавца и покупателя устраивают сделку между ними. Здесь в полном ходу всевозможные обмеры, обвесы и обманы, почему все “прахи” в глазах народа пользуются самой незавидной, самой дурной репутацией, или славой»²³. По отдельным свидетельствам, не очень уважали и крестьян, зарабатывавших охотой: «Вообще все занятия пользуются почетом, поскольку они приносят деньги. Только против занятия охотой замечается какое-то предубеждение; люди, занимающиеся ею, слывут “пустяшными”; “пустой человек”, говорят про занимающихся охотой крестьян их односельчане»²⁴. Наибольшим почетом у крестьян пользовался земледельческий труд. Это был тяжелый труд: «Почет и уважение у нас тому, у кого много хлеба и который, значит, погнул по-рядочно свою спину. Что касается скоро разбогатевших от лесу, им почет пока еще плоховат. “Ишь, какую хоромину затрекал, наобдувал му-

жиков-то, наша кровь тут”, – и при встрече, молча и не глядя, скидывают шапку и идут прочь»²⁵. Как утверждали сторонники «трудовой теории» в историографии XIX в., труд почитался за единственно справедливый путь к благосостоянию семьи²⁶, а трудолюбие – за его основу и главный источник. Трудолюбие было главной предпосылкой позитивного позиционирования крестьянина в обществе.

При этом целеполагание хозяйственной деятельности со стороны крестьянина должно было исключать стяжательство и нетрудовые доходы: «Стремление крестьян увеличить свой достаток заметно в сильной степени только у меньшинства. С этой целью они, не довольствуясь своим земельным наделом, арендуют земли или у своих односельчан, или у лиц посторонних, снимают луга, увеличивают рогатый и рабочий скот, зимой занимаются возкой дров и проч... Все занятия, в которых виден честный труд, считаются почетными и достойными порядочного человека, все же остальные, в которых проглядывает легкая нажива, недобросовестный и бесчестный труд – недостойными его»²⁷.

То, что ростовщичество относилось в глазах крестьян к разряду легкой добычи денег и не было распространенным явлением в русской деревне, подтверждают и другие источники. Так, в актовую книгу нотариуса г. Рязани за 1886 г. были занесены долговые обязательства о финансовых займах, совершенных между крестьянами. Суммы займов различны (от 50 до 500 руб.) Из документов следует, что подавляющая их часть осуществлялась без процентов (8 из 10 договоров). Более того, в трех долговых записях не были предусмотрены не только проценты, но даже сроки возврата суммы (они сопровождались формулировкой «до востребования»²⁸). Негативное отношение крестьян к ростовщикам отразилось и в распространенности среди них религиозно окрашенных представлений о том, что Бог обязательно накажет того, кто «разоряет процентами» (тот «в землю провалится»)²⁹.

Зажиточный крестьянин пусть и пользовался почетом среди односельчан, но с известными принципиальными оговорками, – если состояние его было нажито самостоятельно, притом не слу-

²² Там же.

²³ Русские крестьяне... Т. 4. С. 93.

²⁴ Русские крестьяне... Т. 1. С. 427.

²⁵ Там же. С. 121.

²⁶ Ефименко А.Я. Трудовое начало в народном обычном праве // Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1. С. 139.

²⁷ Русские крестьяне... Т. 3. С. 231.

²⁸ Государственный архив Рязанской обл. (далее – ГАРО). Ф. 1021. Оп. 1. Д. 1в. Л. 1–13.

²⁹ Архив Русского географического общества (далее – АРГО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

чайно, а личным трудом. Именно такое богатство в полной мере соответствовало «доброму» – категории, вместившей разные смыслы (добро как нравственная ценность и как синоним имущества)³⁰. Зажиточный крестьянин сохранял свой авторитет, если не злоупотреблял своим статусом и не притеснял соседей победнее. В противном случае к нему относились уже с ненавистью и «награждали» позорными эпитетами «ирод» и «кровопийца», публично налагая на них клеймо ветхозаветного злодея³¹. Так крестьянское общественное мнение реагировало на нарушение общехристианских нравственных заповедей.

По многочисленным свидетельствам из разных губерний, наряду с богатством крестьянин гордился своей физической силой и ловкостью: «Наш крестьянин гордится, по преимуществу, силой...»; «Крестьянин гордится всем: силой, ловкостью, одеждой, знанием и материальным состоянием»; «Крестьянин гордится богатством, грамотностью и ловкостью»; «Более всего крестьяне гордятся нарядной одеждой, богатством, и менее всего – грамотностью, знанием, силой, ловкостью»³². Честно зарабатывающий своим трудом крестьянин в общественном мнении должен был быть трудолюбив и вынослив. Это обеспечивало успех его трудовых усилий.

Честность в таксономии религиозно-этических параметров крестьянской чести имела едва ли не центральное значение. Одним из популярных приветствий в Калужской губ. было следующее пожелание: «Милому человеку прибавь, Бог, живота и веку! Только *поживи*, брат, *почестней!*»³³. Под этим подразумевались не только правдивость, но прежде всего честное отношение к себе и окружающим, выражавшееся в первую очередь в добросовестном труде и выполнении разного рода обязательств перед обществом. «Данное обещание крестьяне, по крайней мере, большинство, исполняют. Те же, кто не исполняют его, считаются за людей болтливых... Не любят крестьяне людей часто судящихся, ссорящихся, пьяниц и особенно тех из них, которые любят выпивать на чужие денежки, а на свои – очень редко, гордых и необ-

щительных. Напротив, люди трезвые, честные, работающие, общительные, со всеми ровные пользуются симпатией крестьян»³⁴.

На религиозную коннотацию честности (помимо божественного воздаяния «живота и веку» за честное поведение) указывает греховность нарушения собственного обещания: «Считают крестьяне за *стыд* и за *грех*, если не исполнят в точности договора или данного честного слова. Честные крестьяне дорожат своею совестью больше, чем письменным договором, странную пословицу всегда напоминают, уговор дороже денег, если бессовестному человеку, например, болтушке, и письменный договор или условие нипочем»³⁵. Здесь же подчеркиваются прямая взаимосвязь чести и совести, отмечаемые и в других сообщениях: «Крестьяне не любят кривить душой и, если дадут слово, всячески стараются сдержать обещание. Если крестьянин даст слово и не исполнит обещания, или же украдет что-нибудь – это значит, крестьянин обесчестил себя. Бесчестьем называются вообще все поступки против совести»³⁶.

Характеризуя совестливость и честность крестьян, наблюдатели сельской жизни особенно подчеркивали отказ крестьян от посягательства на чужое имущество: «Бесчестьем для крестьян служит воровство, обман и если крестьянин начнет делать подлости своим односельчанам... презрение навлекается склонностью чрезмерною и нехорошими делами, например, воровством»; «крестьяне в д. Никитино *народ совестный, воров в деревне вовсе нет* (нередко можно встретить в деревне воткнутую палку вместо замка в дверях при отсутствии всей семьи из дома). Несмотря на этот первобытный запор, краж в деревне не было, и до сих пор не было случая, чтобы кто-нибудь из деревни отбыл тюремное заключение»; «общество на вора смотрит не так, как на честного человека»; на прибывшего из арестантских рот народ смотрит «недоверчиво, все как на преступника, пока он не заслужит себе у общества большого доверия»³⁷. Воровство, вообще покушение на чужое имущество, считалось равносильным покушению на честь семьи и собственную честь и резко

³⁰ Слово «богатый», как считают лингвисты, происходит от общеславянского «*вобщь*» («достояние», «доля»), родственного санскритскому «*bhaga*» («одаряющий», «наделяющий») и происходящего от «*bhagas*» («достояние», «счастье»), тесно связанного с «богатством», см.: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. М., 1986. Т. 1. С. 181–182; *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1975. Т. 2. С. 161.

³¹ Русские крестьяне... Т. 2, ч 1. С. 154.

³² Русские крестьяне... Т. 1. С. 129, 273; Русские крестьяне... Т. 6. С. 474; Русские крестьяне... Т. 3. С. 231.

³³ Русские крестьяне... Т. 3. С. 231.

³⁴ Русские крестьяне... Т. 1. С. 429.

³⁵ Там же. С. 84.

³⁶ Русские крестьяне... Т. 6. С. 315.

³⁷ Там же. С. 475, 315; Русские крестьяне... Т. 1. С. 76.

осуждалось со ссылкой на авторитет Священного Писания и новозаветные заповеди: «В Павинской и Пыщугской вол. воровство считается позорным ремеслом, и мать или старший брат, отпуская из своего дома члена семьи на плоты в Козьмодемьянск, прежде всего говорит: “Мотри, не заворуйся, чтобы не было мне укору”. Честность к чужому имуществу основывается, по-моему, на боязни быть покаранным от Бога»³⁸. Не случайно одной из самых серьезных «мужских» обид крестьян было голословное обвинение в воровстве: «большим оскорблением считается, если в присутствии многих лиц назовут вором, это высший вид оскорблений»; «самыми обидными и неприличными ругательствами при всякой обстановке считаются называния “вором” и матерными словами»³⁹.

Комплекс качеств, увязывающих честь/почет с богатством/достатком, добытым не за счет чужого имущества (путем воровства или передачи по наследству), а благодаря собственному честному и добросовестному труду, уму/сноровке и физической силе, отнесен в описаниях современников именно к мужской части населения деревни. Помимо эффективного сельскохозяйственного труда, — требовавшего больших физических усилий, — крестьянский «кодекс» во многом определял сам статус домохозяина. Ведь крестьянин нес ответственность перед общиной за благосостояние и платежеспособность двора в качестве податной единицы. Он же был наделен полномочиями представлять его на сельских сходах («старшой», «хозяин», «большак»). Кроме того, именно мужчина — глава семьи отвечал за родовую/семейную честь: «всякий крестьянин дорожит своим родом и всякое нехорошее слово, сказанное по отношению его рода, заставляет его обидеться и всякими способами мстить виновному в оскорблении. Часты случаи, что во время сходов крестьяне хвалят каждый свой род и корят род других односельцев»⁴⁰. Как показывают источники, крестьянин даже был вправе требовать возмещения ущерба за обиду, нанесенную жене: так, 17 февраля 1892 г. крестьянин с. Ситьково (Зарайский у., Рязанская губ.) Пузырев потребовал от односельчанина «полбутылки водки, которую последний ему должен был отдать за то, что на Святках ругал его жену»⁴¹. Чтобы отстоять честь семьи (жены или неотделенных де-

тей), именно крестьянин-домохозяин обращался в волостной суд.

Способность вести хозяйство предопределяла выбор главы семьи. Если в доме проживали несколько равных по возрасту мужчин, то «заставляли хозяйствовать одного, потом через некоторое время другого, потом третьего и т.д. — кто из них окажется распорядительней»⁴². После этого на сельском сходе объявляли, «что они единогласно выбрали большаком Григория, что они ему перечить не будут, и чтобы общество обращалось к нему». При избрании большака обращали внимание и на такие качества, как трезвое поведение, хороший характер и знание грамоты. За «нетрезвую жизнь» и разорение семьи община могла лишить большака его статуса домохозяина, вследствие чего страдала и его репутация/честь: «крестьянин приобретает уважение богатством, а презрение распутной жизнью и пьянством, особенно в рабочую пору»⁴³. Корреспондент из Болховского у. Орловской губ. сообщал: «Общество делает приговор, что такой-то не может самостоятельно управлять хозяйством за свое плохое поведение и пьянство, а потому даются ему в помощь его сыновья такие-то, без совета которых он не имеет права ничего продать, купить»⁴⁴.

Во второй половине XIX в. в кампанию по нравственному воспитанию крестьян вовлекается волостная юстиция. Для урегулирования мелких уголовных и гражданских дел были учреждены специальные суды, выбираемые из самих крестьян. Они дополняли и компенсировали надзорные, воспитательные, дисциплинирующие и карательные функции общинны. Жалобы от крестьян на бесчестье, — особенно если речь шла об оскорблении представителей сельской власти, — поступали в губернские присутствия по крестьянским делам, а также в мировые и окружные суды («честь мундира» выборных крестьян представляет собой отдельную тему исследования и заслуживает специального внимания). Это открыло новые возможности в защите/лишении крестьянской чести и одновременно способствовало развитию крестьянских представлений о границах дозволенного и недозволенного, достойного и недостойного.

Содержание судебных дел свидетельствует о том, что пьянство рассматривалось судами с точ-

³⁸ Русские крестьяне... Т. 1. С. 121.

³⁹ Там же. С. 132, 428.

⁴⁰ Русские крестьяне... Т. 6. С. 439.

⁴¹ ГАРО. Ф. 640. Оп. 26. Д. 10. Л. 121.

⁴² Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 912. Л. 28.

⁴³ Русские крестьяне... Т. 4. С. 340.

⁴⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 913. Л. 19.

ки зрения его социальной опасности для общины и отдельно взятого крестьянского хозяйства. Оно было чревато упадком и разорением хозяйства, а значит ростом налоговых задолженностей, которые в условиях круговой поруки ложились на все общество. Так, 10 июня 1869 г. Борецкий волостной суд рассматривал дело крестьянина с. Назарьевка Сапожковского у. Рязанской губ. Петра Попова, который «вследствие разных доносов, доходивших до членов волостного правления», вел «жизнь непостоянную, распутную», пьянствовал в течение 10 месяцев, без всякой необходимости продал трех лошадей и деньги пропил. Суд определил наказать виновника 15 ударами розог, а также «внушить ему, чтобы он на будущее время от подобных поступков воздерживался»⁴⁵. 6 сентября 1872 г. крестьянин с. Сараи Сапожковского у. Рязанской губ. Трофим Литвинов за то, что «находится в нетрезвом виде, растрачивает свое имущество, а казенные подати не платит», был наказан 20 ударами розог и штрафом в пользу судей в размере 60 коп. Другой крестьянин был приговорен к 20 ударам розгами и взысканию штрафа за «проведение времени более в году в пьяном виде, чем в трезвом, за нерадение и леность в хозяйстве»⁴⁶. Здесь главные аргументы – «нерадение и леность», наносящие ущерб хозяйству семьи и общины. Они обесчещивают крестьянина.

Община и волостной суд регламентировали разбирательства о бесчестии крестьян. Не ограничиваясь публичными нравственными порицаниями, суды наказывали крестьян общественными работами, розгами, арестом, штрафом, а иногда и вовсе лишали их права проживания в родной деревне, стремясь оградить сельское общество от нежелательных лиц, соответственно, их влияния на подрастающее поколение. Крестьян, отличавшихся «дурным поведением», неоднократно замеченных в кражах и побывавших под судом, удаляли из общества. В обоснованности столь решительных действий убеждают нас приговоры сельских сходов и судов различных губерний: «они безнравственной своей жизнью не только не занимаются обыденными для домашнего хозяйства работами, от них одно пьянство, угрозы и вымогательство денег на вино и даже соседним жителям от них покоя нет... от этой безнравственной их жизни даже молодое

поколение между их научается и привыкнуть может таким же гнусным порокам»⁴⁷. Пример из приговора сельского схода от 27 июня 1891 г. с. Старая Дегтянка Козловского у. Тамбовской губ.: «Мы приступили к обсуждению вопроса о дурном поведении члена нашего общества Лариона Иванова Нестерова, который нам известно занимается кражами и пьянством, хотя мы его несколько раз убеждали к исправлению своего поведения, но Нестеров не только чтобы исправиться, а напротив, даже предался худым наклонностям.... Общество просит высшее начальство за дурное поведение и кражу удалить из нашего общества в отдаленные губернии на поселение...»⁴⁸. Общество крестьян Орловской губ. Трубчевской волости сельца Сергиевского 2 августа 1885 г. составило приговор об удалении из своей среды крестьянина-однообщественника Никиту Семенова Масленикова за «пьянство, буйство, за угрозы жителям как их селению, так и ближайшим, поджогом и вообще как вредного человека»⁴⁹.

Волостные судьи, выбранные из самих крестьян, выступали в роли защитников морально-нравственных ценностей мира. Разбирательства некоторых конкретных дел содержат тому прямые подтверждения. Так, в сентябре 1874 г. Сараевский волостной суд (Сапожковский у. Рязанской губ.) рассматривал жалобу крестьянина Федора Леонтьева на пасынка в том, что последний, не желая жить вместе, «один хочет воспользоваться избою и усадебной землей», а истца с женой (т.е. отчима и собственную мать) прогоняет, «не делает им должного уважения и почтения, а вместо того наносит оскорблений»⁵⁰. Отстаивая интересы истца при вынесении решения, обидчика присудили к трехдневному аресту и обязали предоставить избу в пользование родителям «ввиду того, что они престарелых лет и почти не в силах доставать себе пропитание». Судьи исходили в данном случае из того, что «обязан вознаградить (родителей. – С.К.) по христианскому обряду».

Волостной суд наряду с сельским сходом стал еще одной инстанцией защиты чести крестьянина. Исследователи пореформенной деревенской юстиции уже обращали внимание на то, что в этот период выросло число обращений крестьян

⁴⁵ ГАРО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁴⁶ Там же. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2. Л. 83; Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Ф. 640. Оп. 24. Д. 10. Л. 20.

⁴⁸ Государственный архив Тамбовской обл. (далее – ГАТО). Ф. 26. Оп. 2. Д. 714. Л. 16.

⁴⁹ ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 271. Л. 202.

⁵⁰ ГАРО. Ф. 545. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

в суд с жалобами на всякого рода оскорблении, обиды и бесчестье⁵¹. Согласно подсчетам Л.И. Земцова, наиболее распространенными в деревне были проступки против личности словом (20,6%) и действием (41,0%), причем пятую часть всех дел, инициированных по этому поводу, составили иски о защите чести и достоинства в связи с оскорблением. По мнению Л.И. Земцова, эта статистика свидетельствует том, что осознание личного достоинства проникает в крестьянскую среду. Одновременно автор делает отнюдь не бесспорный вывод: «факт обращения в волостной суд убеждает еще и в том, что сельские старики, творившие в селах суд и расправу, скорее всего еще не дошли до понимания необходимости защиты от оскорблений»⁵².

Материалы обследований русской деревни второй половины XIX в. заставляют усомниться в этом. Они указывают на распространение в деревне разнообразных досудебных индивидуальных, семейных и коллективных форм защиты чести и доказывают активное участие мира в регулировании этих вопросов. Относительно личных обид и клеветы был принят «один обычай – кулачная расправа, даже удар из-за угла чем-нибудь»⁵³. Но встречались и оскорблении, по поводу которых в суд обращаться было стыдно: «“Бабы обитки” – так зовут мужев на улице, которых жена била. Трудно найти большего позора для уличных насмешек. Поэтому и в суд на жен не жалуются»⁵⁴. О широко распространенной практике народных «судов» (семейных, старицких, соседских, схода), разбиравших разного рода обиды между крестьянами по обычаям, писали еще современники⁵⁵. В.В. Тенишев прямо указывал на то, что разбор случаев об обидах и оскорблении иногда представляется «суду старииков». Он же обосновал и причины широкой востребованности мирского суда, коренившиеся в религиозном мировоззрении крестьян: «В такого рода делах старики считаются более беспристрастными судьями на том основании, что они *ввиду близкой смерти не захотят брать греха на душу*»⁵⁶.

Встречаются свидетельства и из других источников (из официальных отчетов о наблюдении за деятельностью новоучрежденных волостных судов) о том, что крестьяне, не имея «должного уважения к своим (волостным. – С.К.) судам», «охотнее обращались к суду старииков»⁵⁷. Имеются описания различных способов наказания общиной за унижающие личное достоинство сквернословие и клевету: «ненависть к матерным словам в Мглинском у. необычайна, наказывают на сходе»; «в Глубокой Ишимского округа за обиду и клевету на сходку выводят и заставляют в ноги кланяться 3 раза в течение двух дней, для этого сходка собирается нарочно»; «если старого человека ославить, виновного ставят на большой дороге на колени около кабака» и заставляют кланяться прохожим; «кто старше себя обругает матерно, 10 ударов»⁵⁸.

Крестьянская традиция выработала и другие специфические формы внесудебного разрешения конфликта. В частности, одним из способов примирения сторон был *напой* («ни одна мировая не обходится без водки или пива»)⁵⁹. Подобно тому, как «магарыч» сопровождал любые договорные отношения в деревне (куплю-продажу, найм и пр.), напой также представлял собой своего рода договор о добровольном прекращении спора мировым соглашением. Обидчик по согласованию с миром в лице сельского старосты и схода домохозяев обязывался в знак своей вины и оправдания чести выставить специально оговоренное количество вина, которое затем и выпивалось совместно. Иногда напой сопровождался «обдирианием» («обирианием»), когда у виновного забирали на продажу имущество и на вырученные деньги покупали вино: «на сельском правеже сдерут и продадут на водку. В казаках Оренбургской губ. зовут “довасы”, а в Яранском у. Вятской губ. – “прибыль”, в Уфимской губ. – “магарычом”, на Дону – “напой”. Всегда есть и покупщики вещей»⁶⁰. Внесудебный характер подобных разбирательств и отсутствие каких-либо статистических данных о неофициальной юстиции не позволяют сопоставить и против-

⁵¹ Земцов Л.И. Крестьянский самосуд. Воронеж, 2007. С. 222.

⁵² Там же.

⁵³ Русские крестьяне... Т. 3. С. 547.

⁵⁴ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 92.

⁵⁵ Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенишева / Крестьянское правосудие: Обычное право российского крестьянства в XIX – начале XX века. М., 2003. С. 180–185.

⁵⁶ Там же. С. 181.

⁵⁷ ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1627. Л. 49.

⁵⁸ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; 24; 6; Д. 2. Л. 172.

⁵⁹ Русские крестьяне... Т. 3. С. 547.

⁶⁰ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 15. Л. 46.

вопоставить ее официальному, государственному судопроизводству. Скорее можно констатировать взаимодополняемость и растущую востребованность разных правовых инстанций на фоне роста мелкой преступности в пореформенной деревне⁶¹.

Позорящие наказания из обычно-правовой практики русской деревни были направлены на лишение преступника чести/доброго имени. Подобного рода публичные расправы обеспечивались максимально широким оповещением сельской общественности о свершившейся диффамации. Посрамление («страмота») было одной из распространенных самосудных традиций крестьян⁶². Коллективные деревенские разбирательства сопровождались обрядовыми действиями, имевшими символический характер: водили по селу в нелепом или обнаженном виде; запрягали в телегу или надевали хомут; иногда обмазывали в дегте и обваливали в перьях; сопровождали виновного пинками, плевками и громким шумом (битьем в заслонки, ведра, колокольчики); вешали украденные вещи ему на шею и др.⁶³ Правда, изначальный смысл этих действий был к тому времени утрачен.

Строгость наказания в крестьянской среде зависела от вида и тяжести преступления, а также личности преступника, его репутации, пола и возраста. Индивидуальный подход к каждому судимому (принцип «глядя по человеку») а каждой конкретной ситуации задавал границы наказания. Ущерб чести преступника должен был соответствовать, с одной стороны, тяжести его проступка и нанесенного ущерба, с другой, полу и возрасту. Например, по некоторым сведениям, стариков освобождали от физического наказания, если они были замешаны в краже⁶⁴. Но ничто не освобождало от наказания, если обвиняемый нарушал, например, церковный календарь. Так, если в Великий пост «кто запоет песню, лупят и стариков и 5 руб. штрафу, об этом тяжком преступлении читали даже в правлении» (Липецкий у. Тамбовской губ.)⁶⁵. Не имели право без разрешения отца-домохозяина портить на сходе сыновей до 20 лет, а с разрешения и по требованию отца – с 10 лет. За одно и то же нарушение в Тульской губ. наказывали в зависимости от пола и статуса человека: «за прелюбодеяние мужика пускают в одной рубашке, а одежду его пропьют; с бабой расправляется сам

муж; но девушек никогда не наказывают, даже когда они заведомо гуляют, даже если родит»⁶⁶.

Во второй половине XIX в. самосудные / судебные полномочия общины все чаще сталкивались с официальной юстицией: наиболее приверженные духу перемен крестьяне пытались бороться с общественным «самоуправством» (именно так законодательство трактовало любые внесудебные карательные действия) вполне легальным способом – путем апелляции к официальным институтам правосудия. Так, Троице-Лесуновский волостной суд (Рязанский у. Рязанской губ.) 12 февраля 1872 г. рассматривал жалобу крестьянина на обиду со стороны односельчан в том, что они «пришли в его отсутствие в дом и забрали у его жены тулуп». Однако из описания истории тяжбы следовало, что истец нарушил договор, согласно которому «взял у крестьян распашку (дополнительный надел земли. – С.К.), заплатив лишь часть денег. Поэтому крестьяне, требуя справедливого расчета и руководствуясь обычно-правовыми представлениями о компенсации материального ущерба, изъяли тулуп. Тем не менее за «самовольный поступок» они были наказаны арестом на 3 суток с предписанием «тулуп вернуть»⁶⁷.

Судя по описаниям деревенских конфликтов, в пореформенной деревне перед крестьянами все чаще возникала дилемма – опираться на традиционный суд улицы или же искать справедливости выше, в официальных судебных учреждениях. Следует отметить, что в условиях все более развивающейся во второй половине XIX в. системы административного и полицейского контроля выбор становился все сложнее. В этом убеждает содержание некоторых судебных дел. Так, в ночь на 29 января 1882 г. у крестьянина д. Ляпуновка (Рязанский у. Рязанской губ.) было похищено около 3 мер ржи. Потерпевший, обнаружив пропажу, обратился к сельскому старосте и «просил произвести обыск, взяв в понятые все общество, состоящего из крестьян д. Ляпуновки – 9 человек крестьян». Украденную рожь при обыске нашли у крестьянина Сидора Богданова. Староста и понятые «начали говорить, зачем Сидор украл рожь, а жена Сидора Татьяна встала на колени и просила... общество – понятых, чтобы простили Сидора в краже, за что купит им четверть вина,

⁶¹ Миронов В.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века / / Отечественная история. 1998. № 1. С. 37.

⁶² АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 59.

⁶³ Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1896. Вып. 2. С. XXXII–XXXIV.

⁶⁴ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 45.

⁶⁵ Там же. Д. 2. Л. 171.

⁶⁶ Там же. Д. 13. Л. 28.

⁶⁷ ГАРО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 1.

вследствие чего староста и понятые упросили его (пострадавшего. – С.К.), чтобы не заявлял уряднику, а помирился бы на вино». Сидор признался, что «грех его», дал «на пропой» горшок муки около 3 пудов, который «продали крестьянке Степаниде Астаховой за 2 руб. 50 коп. и за эти деньги просили ее купить вина». Однако, несмотря на то, что «Сидор с потерпевшим, как родные, помирились и на мировую Сидор отдал свою муку и 1 руб.», он все же в итоге оказался на скамье подсудимых в Рязанском окружном суде, где был приговорен к 3 месяцам ареста. Из материалов дела осталось неясно, каким же образом о краже стало известно уряднику, поскольку потерпевший отрицал свое заявление о ней. Тем не менее избежать судебного разбирательства Сидору не удалось. В результате он оказался наказан дважды – судом общины (по обычаю) и окружным судом⁶⁸.

Анализ судебных дел показывает, что писари ведомства (а на волостном уровне они были из грамотных крестьян), излагая суть тяжбы, оперировали довольно широким арсеналом лексики, не ограничиваясь неким единым шаблоном. Под общую категорию личного оскорбления попадали иски с жалобами на обесчещение «скверноматерными», «неприличными», «поносительными», «гадкими», «ругательными» словами, «оскорбление чести», «оскорбление действием» и требованиями «бесчестья» либо «гражданского бесчестия». Многочисленные жалобы крестьян в волостные суды заканчивались либо примирением, либо наказанием штрафом или розгами. Если же пострадавшей стороной оказывалось должностное лицо (волостной старшина, сельский староста, сотский или волостной судья), то дело чаще попадало в ведомство окружной юстиции, назначавшей наказание в виде ареста. Обидными для крестьян были разнообразные оскорбления словом. Помимо «скверноматерных» ругательств крайне болезненно воспринимались крестьянами эпитеты, указывавшие на их порочные наклонности: вор, разбойник, грабитель, обироха, шарлатан, бабник, мошенник, острожник, овчатник, коровятник, лошевод, шпульник, спивоха, пьяница, обжора, колдун, сволочь, киляк, снохач, смутиян, душегуб, подлец, живорез и др.⁶⁹ Подчеркивание дурных наклонностей ставило под удар репутацию крестьянина, которую он по возможности стремился восстановить, в том числе в судебном порядке.

Перечисленные ругательства группируются в синонимичные ряды, отражающие наиболее позорящие личность качества: 1) связанные с разновидностями воровства, обмана и разбоя (вор, разбойник, грабитель, мошенник, обироха, острожник, овчатник, коровятник, лошевод и др.); 2) обвиняющие в девиантном поведении (пьяница, спивоха, смутиян и др.); 3) намекающие на непристойное поведение на сексуальной почве (снохач, бабник, киляк и др.); 4) обвиняющие в разбое или убийстве (душегуб, живорез и др.); 5) уличающие в общественно опасном деянии (колдун и др.); 6) указывающие на сугубую безнравственность (сволочь, подлец и др.). Систематизация возможных оскорблений представляет собой яркую иллюстрацию православной доктрины греховности, наглядно представленной иконописным изображением Страшного суда и лестницы мытарств Феодоры.

Среди оскорблений особенно обидными считались ругательства, обвинявшие крестьянина в воровстве. Возможно, уничижительная и столь разнообразная в отношении воров лексика была следствием широкой распространенности краж в пореформенной деревне. По статистике они были самым частым преступлением в деревне (как, впрочем, и в городе, хотя город значительно опережал деревню по этому показателю)⁷⁰. Вместе с тем именно этот вид преступности/греховности представлял в глазах крестьян одно из самых общественно опасных деяний, ложное обвинение в коем было столь унизительно, что побуждало обратиться в суд. Оскорбительность обвинения в нанесении именно материального ущерба в крестьянской среде (с ее весьма ограниченными имущественно-хозяйственными возможностями, тем более в условиях экономики выживания) имела особенно отягчающий характер. В подобных ситуациях обвинение-уличение в материальном ущербе трансформировалось в словесное бесчестье, унижающее достоинство крестьянина.

Среди оскорблений действием (в основном речь шла о побоях или драках) наиболее обидным «мужским» бесчестием считалось покушение на бороду (подобно тому, как «женским» бесчестием считалось срывание с головы женщины платка). Следует отметить глубокую архаичность этих оскорблений. «Повреждение усов или бороды» относилось к унижающим достоинство мужчины

⁶⁸ Там же. Ф. 640. Оп. 16. Д. 8. Л. 3–52 об.

⁶⁹ Земцов Л.И. Указ. соч. С. 222; ГАРО. Ф. 640. Оп. 25. Д. 11. Л. 16; оп. 34. Д. 12. Л. 10; оп. 51. Д. 493. Л. 2; д. 496. Л. 2; ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 166. Л. 2.

⁷⁰ Трайнин А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 23.

действиям и подлежало наказанию еще со времен Русской правды (ст. 8)⁷¹. Любопытно, что указания на подобные действия встречаются и в судебных документах второй половины XIX в. Например, 25 февраля 1875 г. в ходе рассмотрения дела в Бутыльском волостном суде (Касимовский у. Рязанской губ.) об оскорблении крестьянин Семенов в качестве решающего привел аргумент, что сын Федор «имеет в доме непристойные поступки, бунты, даже осмелился в сию Маслину прикоснуться к моей бороде и оной вырвал»⁷². Могли оскорбить мужскую честь крестьянина и символические манипуляции: по сообщению из Мценского у., «баба с мужиком разбранилась и показала ему шиш; мужик за это проломил бабе голову. Она выходила на волостной суд. Суд отказал: “если мужик мужику покажет шиш, то последний вправе топором шиш срубить”»⁷³.

Одной из разновидностей оскорблений действием было покушение на дом. Этот вид бесчестья преследовался законом еще с середины XVII в.⁷⁴ Его судили строго. Возможность получить защиту со стороны официального правосудия в подобных ситуациях крестьяне использовали сполна. Так, 31 декабря 1875 г. Старобокинский волостной суд (Рязанский у. Рязанской губ.) вынес приговор, согласно которому крестьянка Наталья Емельянова должна была отдать крестьянину Лариону Михайлову «за бесчестие и угрозы 3 руб. серебром». Ее вина состояла в том, что «пришедши в его помещение, начала делать разные угрозы, стуча кулаком о двор» со словами «я тебе докажу»⁷⁵. В деле отсутствовали указания на какие-либо ругательства или физическое насилие, тем не менее столь агрессивное поведение в чужом жилье (учитывая удар кулаком о его стены) послужило поводом к возбуждению дела в суде и обернулось для обидицы немалым штрафом.

Содержание судебных разбирательств о бесчестии крестьян показывает, что по большей части они были инициированы в связи с имевшими место в прошлом или разгоревшимися в настоящем спорами вокруг крестьянского имущества или наследства (домом, хозяйственными постройками и землей). Поводом могло послужить нарушение каких-либо договорных обязательств. Притом нередко оскорблении были адресованы представителям сельской власти (сельским старостам, волостным

старшинам, волостным судьям, сотским) во время отправления ими своих служебных обязанностей (взыскание недоимок и штрафов, снос незаконно установленной усадебной границы, контроль печного отопления в целях противопожарной безопасности и др.). В судебных документах нередко излагалась подоплека подобного рода тяжб.

Совокупность дел об оскорблении действием и словом структурируется по составу участников следующим образом: соседские конфликты (между крестьянами одной общины); семейные (внутрисемейные, т.е. между проживающими в одном дворе и родственниками, проживающими отдельно); конфликты с властью. Как правило, они носили характер защиты личного достоинства. Потерпевшим лицом могла оказаться и целая община. Это случалось при имущественных преступлениях, когда те были направлены на собственность мира (например, порубки в мирском лесу), «и при так называемых “личных”, как, например, при оскорблении местной, чтимой всем обществом-приходом святыни – иконы, часовни, церкви, при оскорблении на словах целого схода и т.п. ... Обиженной и оскорбленной считает себя целая община, весь мир, который через особых уполномоченных сельским сходом “выборных” лиц и преследует виновных судебным порядком, если не пожелает простить преступнику его деяния. Виновный получает во всех подобных случаях прощение за угощение мира водкой, угощения, являющегося здесь вознаграждением потерпевших, т.е. общества, мира»⁷⁶.

В источниках упоминается и оскорблении коллективной чести общины – поругание какой-то локальной традиции или апелляция к чему-то постыдному из ее истории. Когда все общество какого-то селения считало себя оскорблённым, с виновным расправлялись через самосуд «немедленно же, всегда за моментом окончания им преступного в глазах крестьян действия: это – оскорбление произнесением известного слова, считающегося бранным только по отношению к жителям данного селения, бранным прозвищем всех вообще крестьян одного данного сельского общества, в любом другом селении не имеющим обычно того оскорбительного значения и смысла, какие придаются ему только в этом обществе, и ведущим свое начало от какого-либо, иногда весьма давнишнего

⁷¹ Коллманн Н.Ш. Указ. соч. С. 66.

⁷² ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3. Св. 1. Л. 44.

⁷³ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

⁷⁴ Уложение 1649 г., гл. 10. Ст. 198–200 / / Российское законодательство. Т. 3. С. 134.

⁷⁵ ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

⁷⁶ Русские крестьяне... Т. 4. С. 29.

предосудительного или безнравственного поступка одного или нескольких односельцев. Так, например, обращенное к кому-нибудь из крестьян с. Семьяны (Васильсурский у. Нижегородской губ. – С.К.) слово “кобылятник” вызывает всегда бурю негодования со стороны всех услышавших его односельцев; на виновного посыпятся брань и удары со всех сторон. Никакое другое ругательство не считается семьянскими крестьянами столь позорным и оскорбительным для них всех, как это слово, не заключающее в себе, по внешнему виду, казалось бы, ничего особенного, тем более, что среди крестьян, как известно, особенно распространена привычка прибегать даже и без всякой ссоры к сильным выражениям и крупным ругательствам. Происхождение этого, обидного по придаваемому ему смыслу слова, обидного только в глазах семьянских крестьян, ведет свое начало, по словам местных жителей, с тех пор, когда много лет тому назад один из крестьян этого села был пойман в противоестественном совокуплении с “кобылой”; данная вслед затем всем семьянским крестьянам жителями окольных селений приведенная бранная кличка вызывает брань со стороны всех, а иногда и побои виновному. Жители-крестьяне почти каждого селения обладают таким оскорбительным в их глазах прозвищем, напоминающим им о каком-либо позорном или постыдном событии в жизни их общества или о таком же поступке одного их односельца... Крестьяне с. Хмелевки когда-то очень давно грабили проезжих черемис, провозивших мимо их села на продажу различные хозяйствственные продукты; однажды был ограблен ими целый черемисский обоз, везший одни только яйца – на базар на продажу: с тех пор выражения “хмелевский яичник”..., сказанные Хмелевскому крестьянину..., считается самым сильным оскорблением, какое только может быть нанесено им окрестными жителями на словах, оскорблением, задевающим честь их всех вообще»⁷⁷.

Были и примеры групповых оскорблений части крестьян, которые разбирались в суде. Так, в апреле 1900 г. в с. Засечье (Спасский у. Рязанской губ.) «в горнице местного кабатчика, крестьянина Семена Симакова собралось несколько лиц пить водку: тут были сельский староста Коротков, волостной писарь Родин, сотский Кафтанов и др. Это общество вело беседу о событиях священной истории». В ту же горницу зашел садовник помешника Фон-Дервиза Болеслав Яковлев Семашко. Он также стал пить водку и, «уже выпивши», рас-

сказал скабрезный анекдот, оскорбивший религиозные чувства (!) крестьян, сопроводив его к тому же «матерной бранью». Крестьяне выиграли дело: Курский окружной суд (окружная юстиция вела дела о богохульстве) приговорил садовника к аресту при тюрьме и выплате судебных издержек⁷⁸.

Богохульство воспринималось крестьянами и как чрезвычайно болезненное личное оскорблечение. Бесчестья Бога и любых православных святынь они не терпели. Об этом свидетельствуют материалы судебных разбирательств. Правда, иногда создается впечатление, что, обвиняя кого-то в нанесении обиды, они намеренно усугубляли вину обидчика, если тот нарочито или всуе не к месту помянул Бога. Законодательство очень строго наказывало за подобные преступления. Так, крестьянин с. Студеня (Старооскольский у. Курской губ.) Тимофей Проскурин заявил в суде, что 15 октября 1874 г. «около обеда был в питейном доме крестьянина Ивана Максимова Дурнева, где был крестьянин Дмитрий Матвеев Попов, который имел с ним спор о земле, начал бранить его всячески словами и при напоминании Проскуриным о Спасителе, он начал хулить имя Спасителя скверноматерными словами, повторяя до трех раз». 10 сентября 1875 г. приговором суда присяжных заседателей подсудимый был признан виновным в том, что без умысла оскорбил святыню, и отправлен в тюрьму на 6 месяцев⁷⁹. Источником данного конфликта были какие-то взаимные имущественные притязания, и дело вполне могло подлежать рассмотрению в волостном суде в рамках обычного иска о взыскании бесчестья, если бы обидчик ограничился «скверноматерными» оскорблениями без апелляции к Господу.

Инициирование судебных тяжб о бесчестии зачастую было следствием давно тлеющей личной неприязни или даже вражды между крестьянами. Это наводит на мысль о том, что стремление крестьян отстоять личное достоинство было способом разрядить и урегулировать назревший конфликт. Так, 28 февраля 1899 г. был предан Курскому окружному суду крестьянин Афанасий Сергеев д. Букреева-Бобрика (Лыговский у. Курской губ.). Из документов следовало, что крестьянин Сергеев, будучи в нетрезвом виде, дозволил себе богохульствовать над Святыми Тайнами. 2 декабря 1898 г. крестьяне Моисей Волобуев, Федор и Михаил Букреевы, Лаврентий Башкатов, Николай Громов и Афанасий Сергеев собрались в съезжей избе для учета сельского старосты, ко-

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ ГАРО. Ф. 640. Оп. 34. Д. 19. Л. 4–60.

⁷⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 968. Л. 1–39.

торый угостил их водкой. Во время этой попойки Сергеев, будучи во враждебных отношениях с Волобуевым, стал бранить его, назвав между прочим «жидом». Когда же Волобуев возразил ему, что он православный и принимает Святые Тайны, то Сергеев в присутствии названных лиц ответил: «черта ты принимал, черт тебя побери со Святыми Тайнами» и обругал матерными словами⁸⁰.

Жалобы крестьян об оскорблении чести имели целью наказать обидчика и получить моральную (защита репутации) и материальную компенсации ущерба. Кроме дел, связанных с конфликтными разбирательствами, волостные суды рассматривали также иски о восстановлении чести. Как правило, их подавали крестьяне, утратившие честь из-за публичной порки розгами. Наказание розгами официально понижало правовой статус крестьянина таким было запрещено занимать выборные должности в мирском самоуправлении, к тому же они не пользовались уважением в обществе (отныне их сопровождало позорное прозвище «сеченный»). Примечательно, что крестьяне обращались в волостные суды и вышестоящие инстанции с просьбами об отмене приговоров о наказании розгами даже после приведения их в исполнение – лишь бы избавиться от позорного «клейма». Они требовали от официальных органов власти восстановить их честь. Приведем один из примеров подобного рода дел. Крестьянин Алексей Голощапов с. Сашек (Липецкий у. Тамбовской губ.) был приговорен волостным судом 27 октября 1888 г. к 15 ударам розгами за недоимку в месячный срок. Наказанный обратился с жалобой в Тамбовское по крестьянским делам губернское присутствие: «Старшина как закоренелое зло, забыв правила закона, привел оное решение волостного суда, как бы в исполнение через полтора уже года, наказав меня розгами... в тот самый день, в который даже самые важные преступники избавляются от наказания именно: в день незабвенной памяти коронования их Величества Государя императора Александра Александровича и государыни императрицы Марии Федоровны, т.е. 15 мая 1890 г. в присутствии сельского схода». В связи с этими обстоятельствами истец просил «предписать кому следует» приговор волостного суда «относительно наказания меня признать неправильным так, чтобы я не считался как наказанный за недоимку и не был тем порочным членом в обществе»⁸¹. Забота крестьянина о личной чести была теснейшим образом связана с признанием ее общиной. Притом

судебная и иная вышестоящая власть вправе были официально скорректировать позицию общины. В данном случае примечательно как само обращение крестьянина в суд с просьбой по формальным причинам считать недействительным наказание, заслуженность которого он не оспаривал; так и то, что крестьянин (или писарь волостного суда, или сам судья, ему это присоветовавший) был осведомлен об установленном порядке исполнения приговора. Это свидетельствует о развитии крестьянского правосознания в направлении официального судопроизводства.

* * *

Документы эпохи Великих реформ могут многое сообщить нам о «кодексе» крестьянской чести. Суммируя сказанное выше, следует отметить, что доминирующим критерием при оценке «мужской» чести в русской пореформенной деревне оставалась прежде всего способность крестьянина вести хозяйство и поддерживать достаток двора / семьи за счет честного труда. Важность материального фактора в формировании «кодекса» мужской чести крестьянина зеркально отражалась в представлениях о его бесчестье: наиболее обидным оскорблением считалось обвинение крестьянина в воровстве, в покушении на чужое, в нанесении материального ущерба другому. Эта особенность системы «мужских» ценностей и приоритетов была обусловлена, с одной стороны, самим характером сельскохозяйственного труда, требовавшего немалых физических затрат, с другой, устройством общины и ее фискальными обязанностями. Ведь община опиралась на мужчин-домохозяев, которые были ответственны за своевременное отправление мирских повинностей и честь семьи. Личная честь крестьянина – даже если речь шла о ярких физических качествах и личных добродетелях – имела ярко выраженную зависимость от общественного мнения, от ценностей общины и православной этики.

Честь определяла место крестьянина в сельском сообществе, в миру: по этому критерию его могли отнести к «достойным» и «недостойным», «порочным» и «беспорочным», «хорошим» и «дурным» и др. Она лежала как в основе коллективной и локальной идентификации конкретного крестьянина, так и его персональной, личностной самоидентификации. При этом коллективная крестьянская честь, опиравшаяся на историческую память общины, сплачивала ее

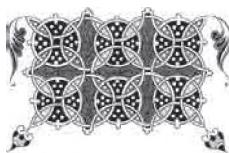
⁸⁰ Там же. Д. 5034. Л. 3–10.

⁸¹ ГАТО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 710. Л. 4–8.

перед лицом оскорблений со стороны «чужих». Благодаря этой многоплановой идентифицирующей функции категории «крестьянской чести» регулировался внутренний порядок жизни крестьянского мира, в том числе в конфликтных ситуациях.

«Кодекс» правил поведения крестьянина в целом соответствовал морально-нравственным ориентирам православия, лежавшего в основе его мировидения. Вместе с тем нельзя не отметить иногда очевидного противоречия между христианским идеалом личной чести и ее отстаиванием на практике. О. Кошелева резонно замечает на этот счет, что «личное достоинство воспринималось в православной традиции как гордыня, и если его оскорбляли, то обиженный должен был по нормам душеспасительного поведения простить обидчика, не проявляя гордыни»⁸². Крестьянское же правосудие второй половины XIX в. нередко демонстрирует иные образцы. Оно боролось с бесчестием даже розгами.

На общем фоне роста числа судебных исков со стороны крестьян в пореформенный период письменные источники зафиксировали высокий процент дел, связанных с оскорблением личности крестьянина действием и словом, соответственно с сатисфакцией за бесчестие. В этом смысле пореформенная деревня адаптировала новую систему судопроизводства к своим нуждам. Кроме того, отмена крепостного права, хотя и охватившая лишь крепостных, очевидно, дала толчок всему крестьянству в переосмыслении своего положения, способствовала известной эскалации социальной и правовой напряженности в деревне. Можно предположить, что приспособление крестьян к стремительно меняющейся и агрессивной к ним действительности второй половины XIX в. потребовало от них скорейшей апробации новых судебных структур и отношений, установления взаимодействия с ними, и как следствие, самоутверждения крестьянской общины и крестьянина, в частности в условиях перемен.

⁸² Кошелева О. Указ. соч. С. 42.